

Ономосфера поэзии: Влекущая сила имен

Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л. Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен. – М.: ООО «Издательский центр “Азбуковник”», 2005. – 446 с.

Проза, даже самая лирическая, едва ли представима без имен. И пусть повествователь постарается себя не называть, в его рассказе или показе почти непременно будут фигурировать другие герои, а стало быть, и их имена, фамилии, отчества. Вспомним хотя бы выразительнейшие прозвища крестьян в тургеневских «Записках охотника» или красноречивейший перечень одноклассников у набоковской Лолиты. А вот стихотворная лирика тяготеет, кажется, к тому, чтобы обходиться в каждом конкретном случае одним только именем – именем автора. Комментируя название трагедии «Владимир Маяковский», Б. Пастернак подчеркивал: «Заглавье скрывало гениально простое открытие, что поэт не автор, но – предмет лирики, от первого лица обращающейся к миру. Заглавье было не именем сочинителя, а фамилией содержания». И подобно тому, как создатели повестей, рассказов, романов озабочены тем, «чтобы имя подходило к герою, чтобы оно сливалось с его обликом <...>, чтобы оно его не корбило» (И. Бунин), поэты нуждаются в именах, которые как можно органичнее соотносились бы с их персональной творческой деятельностью и ее результатами. Многим поэтам исключительно повезло с метрическими записями: такие имена, как Валерий Брюсов, Константин Бальмонт, Владимир Маяковский, Сергей Есенин, Максимилиан Волошин, Марина Цветаева, настолько естественно проецируются на строки их носителей, что сами воспринимаются как поэтические создания. В иных же случаях на помощь приходили псевдонимы: Федор Сологуб, Андрей Белый, Анна Ахматова, Игорь Северянин, Саша Черный, Рюрик Ивнев, Эдуард Багрицкий, Михаил Светлов...

При этом поэт может акцентировать мифосемиотические возможности собственного имени в своих творениях, может ограничиться его наличием на обложке книги или над публикацией в периодике, однако само поэтическое высказывание, лирический сюжет, неизменно сохраняя ощутимость авторской субъективности, размыкают единичность индивидуального поведения и мировосприятия, маркируемую в эмпирической повседневности (и в художественной прозе) человеческим. Имя в лирике заменяется местоимением. Благодаря универсализму лирического «я» авторская интенция в стихах, освобождаясь от житейско-бытовых частных и объективируясь, возводится в степень эстетического обобщения и обретает «поливалентность», т. е. способность быть воспринятой читателем изнутри себя – с примеркой фиксируемого в строчках состояния или настроения уже на самого воспринимающего.

Так утверждает теория лирики, и поэтическая практика XIX столетия – тому свидетельство. Если в стихах пушкинской эпохи возникают имена, то они фигурируют прежде всего в названиях или посвящениях, а ежели встречаются непосредственно в строках, то, как правило, обнаруживают свою эмблематичную условность. В известных работах Ю. Тынянова («Проблема стихотворного языка») и Т. Сильман («Заметки о лирике») цитируется записанное в «Дневниках» А. О. Смирновой высказывание Пушкина: «Женское имя (в стихах) так же мало реально, как все эти Хлои, Лидии или Делии XVIII века. Это только названия». В не меньшей мере сей вывод подкреплялся тогда и именами мужскими.

Поэзия нового времени существенно расширила свой лексикон, и это словарное обогащение произошло, в частности, и за счет антропонимов. Языковую картину мира практически любого поэта теперь без личных имен не представить, и их функции стали,

как показывает книга В. П. Григорьева, Л. И. Колодяжной и Л. Л. Шестаковой, куда более разнообразными.

Создан первый, по сути, опыт словаря личных имен в русской поэзии XX столетия. Хотя уточним сразу: «имя» самого этого издания все-таки чрезмерно «просторно» и обещает больше, нежели книга содержит. Персональный состав представленных в ней поэтов и хронологическая «прописка» привлекаемых к рассмотрению текстов склоняют, скорее, в пользу названия «Личные имена в поэзии Серебряного века».

В ряде случаев смущает и то обстоятельство, что в качестве источников избираются не самые авторитетные и не самые полные на сегодня издания (так, строки В. Маяковского цитируются по «худлитовскому» однотомнику 1969 г.). Понятно, что работа над подобным ономастиком потребовала не одного десятилетия (предшествовавший ему научный труд «Поэт и слово. Опыт словаря» был издан в 1973 г.), а наиболее обстоятельные из собраний сочинений А. Ахматовой или С. Есенина завершены сравнительно недавно. И тем не менее, не абсолютизируя требование полноты охвата, заметим, что исчерпываемость здесь очень желательна, поскольку именно она обуславливает выразительную широту «именной клавиатуры» каждого автора и возможности соответствующих сопоставлений и выводов.

Скажем, в словаре «сосчитаны» упоминания Сталина в стихах В. Маяковского, Б. Пастернака и О. Мандельштама, а вот ахматовский цикл «Слава миру» 1950 г., где фамилия «Вождя» с «орлиными очами» фигурирует в двух стихотворениях, оказался неучтенным. Как без внимания составителей остались и строки того же автора, опубликованные, в частности, в двухтомнике 1997 г. и относящиеся к 1920-м гг.: «Где Ягода-злодей / Не гоняет людей / К стенке / И Алешка Толстой / Не снимает густой / Пенки». А ведь упущенные как в первом, так и во втором случае имена, согласитесь, крайне важны для осмысления как творческой стратегии и тактики А. Ахматовой, так и тех социальных условий, которые в не забытые еще десятилетия навязывали себя искусству слова.

Впрочем, «именклатура» каждого поэта красноречиво демонстрирует его притяжения и отталкивания не столько в области социально-политической (хотя и в ней тоже: крайне показательны, к примеру, словарные статьи «Керенский», «Колчак», «Корнилов», «Ленин», «Маркс»), сколько в сфере отечественной и мировой культуры. Книга московских лексикографов позволяет убедиться, как полифонична – и вместе с тем избирательна! – переключка, которую каждый поэт ведет как со своими современниками, так и с предшественниками. А разве не увлекательно рассмотрение личных предпочтений и пристрастий поэтов в отношении мифонимов и «вечных образов» – таких как Антигона, Офелия, Федра или Фауст? И есть возможность сравнить, как по-разному воспринимаются поэтами одни и те же исторические фигуры – положим, Стенька Разин у В. Хлебникова, С. Есенина и М. Цветаевой или Пугачев у М. Кузмина и В. Маяковского.

А как много для понимания поэтической философии каждого «пайщика» словаря и умонастроений обозреваемой эпохи дают самая в нем пространный (14 страниц цитат!) статья «Бог» и примыкающие к ней четырехстраничные «Боже» и «Христос». И разве не показательно, допустим, что у М. Цветаевой, которая получила от И. Северянина презрительную характеристику «Беспочвенных безбожников божок», мы встречаем поразительно много строк, какими она убеждает: «Бог, мы союзники с тобой!». (Жаль только, что цитатные примеры в статьях сгруппированы не по авторам, а по хронологии.)

Чрезвычайно показательное отношение поэтов и к собственному имени. Словарь свидетельствует, что одни авторы, в творчестве которых отчетливо вырисовывается характер лирического героя (В. Маяковский и С. Есенин, М. Цветаева и А. Ахматова), охотно обыгрывают свои имена, тогда как другие – И. Анненский, М. Кузмин, Б. Пастернак – не считают для себя возможной подобную самопрезентацию.

Крайне интересно и стимулируемое личными именами словопроизводство. Сколь вкусны в своей единственности глагольные формы «чингисхань!», «заратустрь!», «моцартъ!», «роопсь» у В. Хлебникова, «аврориться» у М. Кузмина, «амуриться» у Б. Пастернака, «муссолиниться» у В. Маяковского. Такие окказионализмы как раз и подтверждают способность личного имени апеллятивизироваться, т. е. микшировать традиционное радикальное противопоставление онимов именам нарицательным (хотя все же включение в данный словарь таких лексем, как *галифе*, *гиацинт*, *месмерический утюг* или *осатаненье*, показалось мне избыточной дотошностью составителей).

А помимо всего, словарь актуален и в самом утилитарном отношении – как справочник. Когда автор устраивает в стихах «именинный кутеж» (Б. Пастернак), это пособие подскажет читателю, кто такой *Бальшин*, ворчащий в стихотворении В. Маяковского, какой *Вермель* бродит по шутливым четверостишиям О. Мандельштама и откуда протянулась в лирику А. Блока рука некоего *Цуниги*. Так что «выдоить из именного вымени» (строчка В. Маяковского) можно, как убеждает рецензируемый труд, очень и очень много. Явленная составителями словаря «ономосфера» свидетельствует, что поэзии – при всей ее склонности к «именному инкогнито» – именная конкретика отнюдь не противопоказана. У ономапоэтики открываются заманчивые перспективы.

(Хотя рецензиям «поскриптумы», тем более – стихотворные, и не «показаны», воспроизведу-таки самое «онимастичное» из известных мне стихотворений. Его написал несколько десятилетий назад поэт и филолог Александр Кондратов [цит. по кн.: Самиздат века. М., 1998. С. 462]. «Негативное». *Не пташкин, / не пряжкин, / не шашкин, / не пешкин, / не крышкин, / не Мышкин, / не спушкин, / не сушкин, / не Яшкин, / не чашкин, / не решкин, / не чешкин, / не вьюшкин, / не клюшкин, / не струшкин, / не хрюшкин, / не Плюшкин – / А. Пушкин!*)

Л. П. Быков, докт. филол.,
проф., зав. кафедрой русской литературы XX в.
Уральского гос. университета им. А. М. Горького
(Екатеринбург)

Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий. – Пермь: Изд-во «Книжный мир», 2005. – 464 с.

Важной вехой в истории изучения уральской антропонимии стал выход в свет в 1997 г. словаря пермского филолога Елены Николаевны Поляковой «К истории пермских фамилий». Публикуя первый словарь уральских фамилий XVI – начала XVIII вв., автор не просто вводила в научный оборот обширный комплекс историко-антропонимических данных, но и фактически открывала новое перспективное направление научных исследований, на котором в последующие восемь лет появился целый ряд словарей и монографий, подготовленных на материалах Среднего, Южного Урала и Зауралья [Житников, 1997; Мосин, 2000; Мосин, 2001; Парфенова, 2002; Назаров, 2003].

Новая книга Е. Н. Поляковой – не переиздание первого словаря, а совершенно новое, самостоятельное издание, при том что структура словарной статьи мало изменилась. И дело здесь не только в том, что статей этих стало в два с лишним раза больше и появился новый, значительный по объему комплекс отыменных фамилий. Главное отличие новой книги от первого